

УДК 94 (4) “15”

Моисеенко А.Д., магистрант 1 курса, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия)

РЕВОЛЮЦИЯ ЦЕН В ЕВРОПЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ КОНЬЮНКТУРУ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

В настоящей статье осуществляется постановка проблемы относительно взаимосвязи революции цен в Европе с Московским государством в XVI веке. Производится историографический анализ концепций, относящихся к данной проблематике. На основе источников в исследовательский оборот вводятся некоторые аналитические концепты для более детального рассмотрения социально-экономического пространства Московского государства. Предлагается поиск новых исследовательских стратегий для решения поставленного вопроса, учитывая некоторые противоречия предыдущих работ. Актуальность работы обусловлена уникальным характером, поскольку в историографии предпринимались исключительно косвенные попытки решения проблемы.

Ключевые слова: революция цен, торговый капитал, Московское государство, капитализм, инфляция прибыли, цены, монастыри, историография

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-114-120

В одной из работ Ф. Бродель поделился своим неоднозначным отношением к интерпретации хронологического XVI в. как монолитного исторического периода, а именно: «Я скептически отношусь... к пониманию XVI века как некоего единства без уточнения, один это век или несколько. Я представляю “наш” век разделенным на два: “первый” XVI век начинается около 1450 года и заканчивается примерно к 1550 году, когда начинается “второй” XVI век, который длится до 1620 или 1640 года» [14, р. 73]. По мнению исследователя, принцип эскалации капитализма в контексте развития «мироэкономики» являлся базовой категорией постоянного видоизменения социально-экономической конъюнктуры. Именно XVI в., в том смысле, на котором настаивал Бродель, стал тем временем, обозначенное М. Фуко как «рождение современного мира», точнее его первым этапом. Следует понимать, в чём же заключалась главная особенность эпохи. Экономические трансформации системы европейского пространства стали главной движущей силой появления такого феномена как революция цен, интерпретации и причины которого в исследовательской литературе носят дискуссионный характер. Ученые, занимавшиеся разбором структурных сдвигов экономической конъюнктуры XVI в., давали различные оценки факторов и причин самого инфляционного феномена. Крайне актуально обозначить фактор возможности появления самой революции цен в контексте столкновения различных конъюнктурных пространств. Для

этого стоит обратить внимание на предысторию динамического сдвига структуры европейского рынка относительно эскалации капитализма внутри региона. То есть следует понимать, что социальное пространство европейского региона, при условной унификации такового как единого пространства генезиса социально-экономической и политической структур испытало серьёзное воздействие глобальных катастроф континентального масштаба. По мнению Ж. Ле Гоффа, «Черная смерть» (1348 г.) унесла жизни около трети населения Европы, а «Великий голод» (1315–17 гг.) приблизительно четверть; указанные катаклизмы превратили обычный спад населения в демографическую катастрофу, которая повлекла за собой кризис рабочего потенциала населения, предопределивший ход исторического процесса на ближайшую сотню лет [8, с. 294-298]. Также, с середины XIV в. стагнировалось развитие феномена так называемой «коммерческой революции», который был описан специалистом в области средневековой экономики – А. Грейфом [17, р. 4-6], поскольку социальная структура не позволяла в ускоренном темпе развивать капиталистические отношения.

Тем не менее, экономика Европы медленно регенерировалась с периода 70-х гг. XIV в. Во-первых, заработная плата в производственных сферах имела тенденцию к росту. Основанием этому служат данные, приведенные Д. Нуупом и Г. Передуа относительно индекса заработных плат английских каменщиков. Указанный показатель увеличился с 94 (1350-е гг.) до 122 (1380-90-е гг.) [20]. Во-вторых, при том,

что цены на продукты производственного характера оставались практически неизменными, естественным следствием глобального демографического кризиса стало понижение цен на товары первой необходимости [15].

В таком положении европейский континент подходил к эпохе великих трансформаций, хронологически совпадавшей с периодом действия революции цен. Важно понимать основные причины появления самого инфляционного феномена. Анализ историографии революции цен приводит к некоторым особенностям построения системного характера и выстраивания логики пропозициональных установок относительно интерпретативных точек в понимании сущности феномена. Следует кратко остановиться на базовых позициях. Одним из первых теоретиков революции цен стал американский историк-экономист Э. Д. Гамильтон. Он попытался изложить основные тенденции и причины революции цен в Европе [18]. Работа помимо описания специфики феномена, также содержит анализ концепта инфляции прибыли или зарплатного лага («Profit Inflation»), получивший широкое распространение в экономической литературе XX в. Относительно самой революции цен Гамильтон вывел тезис о важном влиянии притока драгоценных металлов на континент. Согласно критикам его теории, приток испано-американского серебра не мог стать первоначальной причиной этого долгого и устойчивого процесса инфляции, так как она началась не только в самой Испании, но и задолго до сверхзначительного завоза серебра, то есть, в более позднее время (в 1550-х гг.). Помимо притока золота и серебра, Гамильтон опирается и на другие причины: 1) южно-немецкий бум добычи серебра и меди (1460–1535); 2) структурные изменения в средиземноморской торговле в связи с османскими завоеваниями [19].

А. Финкельштейн полагает, что феномен гиперинфляционного сдвига стал проявляться в 1470–80 гг., поскольку приведенные ею данные отражают резкий сдвиг в первой половине 1470-х гг. [16, р. 3-7]. Также, многие исследователи занимались поиском первопричин и начального этапа возрастания цен, но данный вопрос остаётся в историографии открытым, поскольку унифицировать имеющиеся данные не всегда представляется реальным из-за невозможности рассмотре-

ния экономических параметров повседневных реалий в динамике.

Для данной работы наиболее важным является концепт инфляции прибыли или зарплатного лага, который являлся диспропорцией роста заработных плат и повышения цен. Следовательно, данный разрыв, который выступал в качестве главного источника первоначального накопления капитала. Концепт стал критиковаться, поскольку зарплатный лаг мог покрываться не зафиксированным заработком, а натуральным. Помимо этого, не всегда ясна пропорциональность стоимости первичного и вторичного продукта. По данным Э. Фелпс-Брауна и Ш. Хопкинса можно утверждать, что цены на готовые продукты питания росли в меньшей степени, чем на первичный товар [21, р. 293-299]. Таким образом, усовершенствование технологий позволяло снижать издержки подобного рода производств. Подобного рода проблему частично позволили разрешить данные, предложенные С. Ван Батом [22], позволяющие убедиться в верности тезиса Гамильтона. Но его данные отражают информацию только относительно Южной Англии, поэтому они не могут являться полноценным доказательством общеевропейского несоответствия. Также, не совсем ясно, что стало первопричиной зарплатного лага: революция цен или складывание новой мироэкономики. Тем не менее, самое высокое значение (155,1 для 1401–1450 гг.) совпадает с границей старой мироэкономики и новой, а самое меньшее (48,3 для 1601–1650 гг.) совпадает с окончанием революции цен. Данная корреляция указывает на верность суждения о «долгом» XVI в. Несмотря на косвенные факторы доказательства охвата настоящего феномена, описанный Гамильтоном процесс вписывается в классическое понимание процесса первоначального накопления капитала.

Для доказательства приведенного тезиса следует привести теоретические обоснования И. Валлерстайна относительно возможности существования капиталистической системы. Исследователь отмечает, что многие научные деятели обращают внимание на один из институтов, характеризующий капиталистическую систему, а именно: на наёмном труде, производстве для обмена и/или получения прибыли, классовой борьбе

или «свободном» рынке. Тем не менее, первые две характеристики не являются новыми для эпохи первоначального накопления капитала. «Свободный рынок», по мнению Валлерстайна, невозможен в абсолютном смысле этого понятия, а анализ социальных групп через призму классовой борьбы задает «слишком узкие рамки». Таким образом, теоретическим выводом автора является тезис о том, что система различного рода может называться капиталистической, главной характеристикой должно быть «настойчивое стремление к бесконечному накоплению капитала – накоплению капитала ради накопления ещё большего капитала» [7, с. 24-25]. Феномен зарплатного лага являлся идеальной платформой для ещё большего разрыва доходной части между различными слоями социального пространства.

Валлерстайн также добавляет очень важную деталь, которая позволяет авторам работы перейти к анализу социально-экономической системы Московского государства в XVI в., а именно: «для того, чтобы эта характеристика возобладала, должны быть механизмы, которые наказывают любых агентов, пытающихся действовать на основе других ценностей или с другими целями, в результате чего эти агенты столкнутся с серьезными препятствиями» [7, с. 25]. Для анализа социально-экономической ситуации следует понимать основные специфические особенности развития региона. Наиболее подходящей моделью для рассмотрения в предложенном контексте конъюнктурных сдвигов является теоретический взгляд М. Н. Покровского, а именно понятие торгового капитала. Безусловно, концепция торгового капитализма имеет ряд проблем и противоречий, но в данной работе сам концепт торгового капитала является неким базисом для построения элементарной схемы механизмов существовавшей социально-экономической стратификации в Московском государстве. Предложенная модель упрощена и механизмы формирования групп унифицированы, однако они необходимы для проведения нестрогих аналогий с общеевропейским контекстом и подведения итогов относительно исследовательского потенциала поставленной проблематики.

В XVI в. в Московском государстве сло-

жилась три агента торгового капитала: государь – торговая элита – монастыри. Государь к моменту создания Московской торговой компании и в процессе её активной деятельности стал монополистом на торговлю воском, мёдом и других наиболее прибыльных товаров, интересовавших европейцев [13]. Торговая элита, то есть внутренние гости, ввиду тех социально-экономических и политических трансформаций в Московском государстве в исследуемом столетии, крайне резко актуализировалась. Торговое население государства активно занималось службой великому князю, то есть высшие категории представляли интересы государя, например, осуществляя торговлю пушниной. Такая служба называлась «целовальной». Очень часто гости выполняли роль посланников царя в западноевропейские государства, чтобы играть роль определенного посредника в торговле между Западом и Московией. Например, царская грамота 24 апреля 1567 года датскому королю Фредерику II с просьбой о беспрепятственном пропуске через территорию Датского королевства гостей, которые были посланы в Антверпен для покупки «некоторых предметов для царского обихода». Приведем отрывок из грамоты: «Послали есмя до града Антропя своего гостя ... а сь ними послали есмя рухлядь своей казны, а велели есмя имь во граде Антропе и въ тамошней стране купити къ нашей казне потребная» [11, стб. 91–92]. Это не единичный пример подобных посланий, которые можно найти не только в адрес датского короля. Гости выступали как посредники реализации торгового капитала царя.

Государь активно направлял торговые слои населения на Запад для реализации собственных интересов (например, как отмечал М. Н. Покровский, Иван IV к 1560-м гг. уже очень активно отправлял «своих гостей и купцов» для торговли в Антверпен, Персию и Англию) [10, с. 109-110]; но помимо этого, со временем, ввиду зарождения феномена «самоколонизации», царю стала выгодна и внутренняя экспансия, примером чего может стать случай помощи Строгановым в освоении этого региона. Речь идёт об определенной грамоте 1590 г. Федора Иоанновича, которая была направлена «Сольвычегодцамъ сь

Коряжемскаго монастыря» об указании «выбрати въ Сибирь на житье тритдять человекъ пашенныхъ людей з женами и з детми, и со всеми ихъ животы» [12, стб. 666–669]. Весьма показательный пример, с учётом того, что Строгановы фактически выполняли роль «управляющих» в становлении торгово-экономического потенциала региона.

Наиболее любопытным агентом торгового капитала становятся монастырские владения. В XVI в. в Московском государстве существовала целая группа жалованных грамот, направленных в большей части на защиту монастырских вотчин. В Московском государстве монастыри играли важную роль в становлении новой социально-экономической системы, которую частично имеет смысл характеризовать понятиями капиталистического миропорядка. Ввиду генезиса торгово-рыночных операций владения монастырей регулярно пополнялись, преобразовываясь в крупный торговый капитал, развитие которого приводило к деформациям социальных практик.

Монастыри и церкви регулярно становились объектами: 1) жалованных и «данных» грамот [4, стб. 449–455], согласно которым они получали в своё владение новые земли; 2) купчих грамот, свидетельствовавших о том, что священнослужители вместе с общиной покупали новые имения [5, стб. 339–367.]; 3) монастырские земли часто отмечались в льготных грамотах, которые обеспечивали свободу действий по развитию сельского хозяйства, промыслов и по вопросам преумножения собственного капитала [2, стб. 114–120]. Также, монастыри периодически награждались правом беспошлинной торговли на внутренних и внешних рынках (например, Жалованная грамота на беспошлинную покупку и продажу товаров Нижегородскому Благовещенскому монастырю (1473–1489) [3, стб. 122–123]. Таким образом, монастырские, реже просто церковные владения, были крайне важным элементом в реализации и обороте торгового капитала в Московском государстве в XV–XVI вв.

Монастыри играли огромную роль в вопросе трансформаций экономических тенденций и социальных практик в Московском государстве. На это указывают приходно-расход-

ные книги крупных монастырей: они регулярно посылали людей для торговли на крупных и часто далеких рынках, а также много покупали и продавали [9, с. 26–30]. Монастыри были важными элементами реализации торгового капитала царя и собственного. Дополнительным аргументом в пользу предложенной модели наполняемости агентов торгового капитала в Московском государстве выступает так называемый концепт «злоупотреблений». «... И кто у нихъ въ томъ селце и въ деревняхъ и на селищахъ учнетъ жити людей, и наши наместницы и волостели и ихъ тиуни техъ ихъ людей не судять ни въ чемъ, oprичъ душегубства и розбоя съ поличнымъ, и кормовъ своихъ на нихъ не емлютъ и не высылають къ нимъ ни по что, а праведчики и доводчики поборовъ своихъ на нихъ не берутъ и не въежжаютъ къ нимъ ни по что ...» [1, стб. 82–84], эта формула встречается в ряде источников эпохи. Указанный акт «злоупотреблений», во-первых, был актуален для исследуемой эпохи, во-вторых, большая часть подобного материала направлена на обличение злоупотреблений царских наместников по отношению к монастырским вотчинам, государь также защищал в том числе и свои интересы, поскольку монастыри владели его имуществом, которое они же и преумножали. Безусловно, подобное явление не может быть детерминировано исключительно по экономическому признаку. Но представляется наиболее логичным, что различные группы интересов в совокупности давали лишь дополнительный повод к действию государя.

Выдвинутые аналитические категории не являются полноценным ответом в рамках поставленной проблематики. Тем не менее, необходимо осознавать, что в XV–XVII вв. механизмы формирования торгово-экономической элиты в Европе и России схожи. Агенты, «действующие на основе других ценностей или с другими целями» (не в интересах проводников торгового капитала), в результате сталкивались «с серьёзными препятствиями» (пример царских наместников). Данные категории населения, в результате ещё большего неэквивалентного разделения имущества, чем ранее, создавали ситуацию, при которой развивалась эпоха первоначального накопления (торгового) капитала.

Построенная аналитическая модель не

идеальна и имеет некоторые противоречия. Тем не менее, она важна для установления исследовательского потенциала проблематики. Исследователи первостепенных экономических факторов не имели возможности приблизиться к ответу на вопрос о возможности влияния революции цен на Московское государство. Это происходило по разным причинам: нехватка данных, невозможность сопоставления показателей и т.д. В данной работе предлагался эпистемологический подход к решению проблемы, то есть конъюнктурный базис, имеющийся у различных по своим характеристикам регионов, следует подвести под общий знаменатель, но не в виде элементарной и грубой унификации, а в результате рассмотрения самой логической структуры систем. Схожесть некоторых элементов конъюнктурных структур в Западной Европе и Московского государства очевидна, поскольку указанные регионы были связаны общей спецификой генезиса социально-экономического базиса, несмотря на различия первоначальных платформ. Поскольку настоящая работа носит характер постановки проблемы, следует обратиться к онтологической базе познания как такового. В качестве его характеристики наиболее показательным представляется обратиться к «трилемме Мюнхсгаузена», введенной Х. Альбертом. Суть её такова – если обоснования требуются для всего, то в них также нуждаются знания, на которых строится сама логика обоснова-

ний. Философ приходит к мысли, что подобная ситуация приводит к выбору между тремя альтернативами, а именно: 1) логический круг в дедукции, особенность которого заключается в том, что все обоснования выстраиваются вновь и вновь на основе друг друга; 2) прерывание процесса обоснования, смысл которого являет собой достижения определенного всеми признанного знания; 3) регресс в бесконечность, который связан с нескончаемым процессом обоснования того или иного знания из-за отсутствия достаточности обоснования [6, с. 38]. Все предыдущие исследования косвенно рассматривающие поставленную проблему шли по первым двум путям. Настоящая работа является поиском решения проблемы по пути «регресса в бесконечность». Историография вопроса наглядно доказала невозможность его решения при выполнении привычных методологических действий в рамках исторической науки. Третья опция, предложенная Альбертом и заставляет исследователя совершать неоднозначные ходы в своей исследовательской инициативе. Таковым для данной работы является и поиск решения проблемы через призму проведения нестрогой аналогии при анализе специфических особенностей функционирования логических структуры самих социально-экономических систем, поскольку большие нарративы не отвечают на вопросы, а исследования в русле исторической антропологии не нацелены на решение проблем «макро» характера.

Список литературы

1. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. I. – СПб., 1857. – Стб. 82–84. – №30 (V).
2. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. I. – СПб., 1857. – Стб. 114–120. – № 31 (XXI–XXIV).
3. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. I. – СПб., 1857. – Стб. 122–123. – № 32.
4. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. I. – СПб., 1857. – Стб. 449–455. – №63 (XV–XX).
5. Акты, относящиеся до юридического быта Древней России. Т. II. – СПб., 1864. – Стб. 339–367. – № 147 (V – XXV).
6. Альберт Х. Трактат о критическом разуме / Пер. с нем., вступит. Ст. и примеч. И. З. Шишкова. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 264 с.
7. Валлерстайн И. Структурный кризис, или Почему капиталисты могут считать капитализм невыгодным // Есть ли будущее у капитализма? – М.: Изд-во Института Гайдара, 2017. С. 23–60.
8. Ле Гофф Жак. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. под общ. ред. В. А.

- Бабинцева; Послесл. А. Я. Гуревича. – Екатеринбург: У-Фактория, 2005. – 560 с.
9. Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. – М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. – 273 с.
 10. Покровский М. Н. Очерк истории русской культуры. 4-е изд., Ч.1, – М.: Госиздат, 1921. — 283 с.
 11. «Русская историческая библиотека» («РИБ»). Т. XVI. – СПб., 1897. – Стб. 91–92. – № 23.
 12. «Русская историческая библиотека» («РИБ»). Т. XXXII. – Пг., 1915. – Стб. 666–669. – № 345.
 13. Attman A. The Russian and Polish Markets in International Trade, 1500–1650. – Goteborg: Gothenburg University, 1973. – 232 p.
 14. Braudel F. Quest-ce que le XVIe siecle? // Annales E.S.C. Volume VIII, Issue 1. 1953. p. 69-73.
 15. Contamine P., Bompaire M., Lebeeq S., Sarrazin J.-L. L'economie medievale. 3eme edition. – Paris: A. Colin, 2003. – 447 p.
 16. Finkelstein A. The grammar of profit: the Price Revolution in intellectual context. – Leiden-Boston: Brill, 2006. – 374 p.
 17. Greif A. Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 503 p.
 18. Hamilton E. J. American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501–1650. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1934. – 428 p.
 19. Hamilton E. J. American Treasure and the Rise of Capitalism // Economica Volume IX. №27. London, 1929 p. 338–357.
 20. Knoop D., Peredur G. J. The mediaeval mason: an economic history of English stone building in the later middle ages and early modern times. – Manchester: Manchester University Press. 1933. – 294 p.
 21. Phelps-Brown E.H., Hopkins Sheila V. Wage-Rates and Prices: Evidence for Population Pressure in the Sixteenth Century // Economica, XXIV, No. 96. London, 1957. p. 289–306.
 22. Slicher van Bath, B. H. The Agrarian History of Western Europe, A.D. 500–1850. New York, 1963. – 327 p.

REVOLUTION OF PRICES IN EUROPE AND HER INFLUENCE ON SOCIAL AND ECONOMIC CONJUNCTURE OF MUSCOVY

In the present article, a problem is set concerning the correlation the revolution of prices in Europe with the Moscow state in the 16th century. A historiographic analysis of the concepts related to this problem is carried out. On the basis of sources, some analytical concepts have brought into the research turnover for a more detailed consideration of the social and economic spheres of the Muscovy. Search for new research strategies is offered to resolve the issue in mind with regard to previous work inconsistency. The actuality of the work is due to a unique character, since in the historiography it has made exceptionally indirect attempts to solve the problem.

Keywords: The price revolution, commercial capital, Muscovy, capitalism, profit inflation, prices, monasteries.

References

1. Akty, odnosyaschiesya do yuridicheskogo byta Drevnei Rusi. Vol. I. SPb., 1857. №30.
2. Akty, odnosyaschiesya do yuridicheskogo byta Drevnei Rusi. Vol. I. SPb., 1857. №31.
3. Akty, odnosyaschiesya do yuridicheskogo byta Drevnei Rusi. Vol. I. SPb., 1857. №32.
4. Akty, odnosyaschiesya do yuridicheskogo byta Drevnei Rusi. Vol. II. SPb., 1857. №63.
5. Akty, odnosyaschiesya do yuridicheskogo byta Drevnei Rusi. Vol. II. SPb., 1864. №147.
6. Albert, H. (2003) Tractat o kriticheskom razyme [Treatise on Critical Reason]. Yekaterinburg: Editorial.
7. Wallerstein I. (2017) Structurnyi crisis, ili pochemu capitalisty mogut schitat' capitalism ne vygodnym [Structural crisis, or Why capitalists may no longer find capitalism rewarding]. *Est' li budushchee u kapitalizma? [Does capitalism have a future?]*. M.: Izdatelstvo Insituta Gaidara [Publishing House of Gaidar's Institute], 23-60.

8. Le Goff, J. (2005) *Civilizacia srednivikovogo Zapada* [Medieval Civilization]. Ekaterinburg, U-Factoria. 560 p.
9. Mankov, A. G. (1951) *Ceny i ih dvizhenie v Russkom gosudarstve XVI veka* [Prices and their movement in the Russian state of the XVI century]. M.-L.: Izdatelstvo Akademii nauk SSSR [Publishing house of the USSR Academy of Sciences], 273 p.
10. Pokrovskiy, M. N. (1921) *Ocherk istorii russkoi kultury* [Essay of the history of Russian culture]. 4-e izd., part 1. M.: Gosizdat. 283 p.
11. «Russkaia istoricheskaia biblioteka» («RIB») [«Russian historical library»]. Vol. XVI. Spb., 1897. 91-92. №23.
12. «Russkaia istoricheskaia biblioteka» («RIB») [«Russian historical library»]. Vol. XXXII. Pg., 1915. 666-669. №345.
13. Attman, A. (1973) *The Russian and Polish Markets in International Trade, 1500–1650*. Goteborg: Gothenburg University. 232 p.
14. Braudel, F. (1953) *Quest-ce que le XVIe siecle?* // *Annales E.S.C.* Volume VIII, Issue 1, 69-73.
15. Contamine, P., Bompaire, M., Lebeeq, S., Sarrazin, J.-L. (2003) *L'economie medievale*. 3eme edition. Paris: A. Colin. 447 p.
16. Finkelstein, A. (2006) *The grammar of profit: the Price Revolution in intellectual context*. Leiden-Boston: Brill. 374 p.
17. Greif, A. (2006) *Institutions and the Path to the Modern Economy: Lessons from Medieval Trade*. Cambridge: Cambridge University Press. 503 p.
18. Hamilton, E. J. (1934) *American Treasure and the Price Revolution in Spain, 1501–1650*. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. 428 p.
19. Hamilton, E. J. (1929) *American Treasure and the Rise of Capitalism* // *Economica* Volume IX. №27. London, 338–357.
20. Knoop, D., Peredur, G. J. (1933) *The mediaeval mason: an economic history of English stone building in the later middle ages and early modern times*. – Manchester: Manchester University Press. 294 p.
21. Phelps-Brown, E.H., Hopkins Sheila, V. (1957) *Wage-Rates and Prices: Evidence for Population Pressure in the Sixteenth Century* // *Economica*, XXIV, No. 96. London, 289–306.
22. Slicher van Bath, B. H. (1963) *The Agrarian History of Western Europe, A.D. 500–1850*. New York. 327 p.

Об авторе

Моисеенко Арсений Дмитриевич – магистрант 1 курса кафедры антропологии и этнологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет (Россия), E-mail: moiseenkoarseniy@gmail.com

Moiseenko Arseniy Dmitrievich – Master's degree student of 1 course of department of anthropology and ethnology, National Research Tomsk State University (Russia), E-mail: moiseenkoarseniy@gmail.com